О влиянии йогачары на махамудру

Автор:
Тралег Кьябгон Ринпоче

О влиянии йогачары на махамудру

Тралег Кьябгон Ринпоче

Самадхи (Ганга – Ориенталия)

В настоящей книге представлен курс лекций Тралега Кьябгона Ринпоче, посвящённый влиянию философии йогачары на тантру и махамудру и проясняющий роль таких важных в истории буддийской практики понятий, как алая-виджняна («субстрат сознавания») и природа будды.

Тралег Кьябгон Ринпоче

О влиянии йогачары на махамудру

Traleg Kyabgon Rinpoche

The influence of Yogacara on Mahamudra

By arrangement with KTD Publications

335 Meads Mountain Road, Woodstock, NY 12498

Публикуется по согласованию с издательством «КТД Пабликейшнз», Вудсток, Нью-Йорк, США

Перевод с английского Евгения Пустошкина

© E-Vam Institute, 2010

© Перевод на русский язык. Е. Пустошкин, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО ИД «Ганга», 2020

Концепции, разделяемые йогачарой и махамудрой

Как соотносится философия йогачары с буддийской тантрой? Люди обычно игнорируют влияние, оказанное йогачарой на тантрический буддизм и его развитие. То, как они соотносятся, никогда не обсуждается открытым образом, даже несмотря на то, что мысль йогачары довольно явно прослеживается в трудах по буддийской тантре. Истоки идей из тантрической литературы можно найти в философии йогачары.

Сама философия йогачары как таковая развивалась в качестве реакции на излишнее теоретизирование и пришла к подчёркиванию важности индивидуального опыта и практики; отсюда и название традиции – йогачара, что означает «практикующие йогу». Под йогой здесь понимаются не растяжки или практика асан, а медитация. Стало быть, термин «йогачара» – или «практикующие йогу» – обозначает тех, кто практикует медитацию.

Йогачара как система была разработана двумя братьями, которых звали Асанга и Васубандху. Они развивали свою философию так, чтобы всё всегда возвращалось к нашей практике и нашему опыту. Нельзя заниматься теоретическими рассуждениями о философии йогачары без медитационной практики. На самом деле невозможно стать философом, исповедующим

воззрение йогачары, не практикуя медитацию. Если взглянуть на труды адептов йогачары, то можно обнаружить, что они упоминают многие тантрические концепции как явным, так и неявным образом.

Есть определённые ключевые концепции, которые разделяются как философией йогачары, так и буддийской тантрой: например, преображение нездоровых, или вредных, психологических аспектов нас самих в нечто более чистое и возвышенное. Другими словами, мы не воспринимаем такие свои отрицательные проявления, как эмоции страсти и агрессии, свои неведение, глупость, заблуждения и т. д., в качестве чего-то, от чего нужно избавиться. Мы рассматриваем их как нечто, что надлежит трансформировать или преобразить. Природа нашего психологического аппарата не претерпевает изменений, но форма проявления этих отрицательных аспектов совершенно меняется. Это очень важное тантрическое понимание, как известно многим из вас. Преображение наших неврозов и эмоциональных нестабильностей в значительной мере является частью тантрического подхода. Мы не отвергаем то, что нас беспокоит: мы учимся это принимать и трансформировать. На самом деле мы можем проследить истоки этих идей в оригинальных трудах философов йогачары.

Другая важная концепция, также обретшая распространение и в философии йогачары, и в буддийской тантре, – это акцент на просветлённой природе каждого человеческого существа. И йогачара, и тантрические школы подчёркивают тот факт, что каждый человек в фундаментальном смысле просветлён. Неведение и заблуждение в отношении этого фундаментального пробуждённого состояния есть нечто совершенно побочное и преходящее; они не являются неотъемлемым свойством человеческой природы. Человеческая природа считается всецело просветлённой и разумной, и никакое количество отрицательных проявлений или эмоциональной нестабильности – неважно, в какой форме, – не может загрязнить эту базовую и врождённо присущую нам разумность, или фундаментальную мудрость, – эту основополагающую просветлённую природу.

В трудах йогачары она известна как татхагатагарбха. Татхагатагарбха в действительности означает «утроба просветления». Наша просветлённая природа существует как потенциальная возможность – подобно тому, как в утробе потенциально может быть зачато живое существо. Каждый человек обладает татхагатагарбхой, этой утробой просветления. Обычно слово «татхагатагарбха» переводят как «природа будды». Природа будды – это в

действительности концепция из философии йогачары. Буддисты, как правило, считают, что представление о природе будды связано с махаяной в целом, но это неверно. Не все школы махаяны соглашаются с этой идеей. Школа мадхьямаки, например, вообще отрицает понятие татхагатагарбхи, поскольку для них оно является очередной концепцией. Адепты мадхьямаки отвергают любого рода метафизические концепции. В их понимании идея татхагатагарбхи преподавалась Буддой исключительно новичкам, которые, в свою очередь, постепенно пробуждались до осознания факта, что подлинный ответ кроется в воззрении мадхьямаки. Для них концепция природы будды – это всего лишь «упражнение для разогрева», «горячая закуска», подаваемая до основного блюда.

Тантрическая традиция также обращается к идее татхагатагарбхи, но в ней она обретает иное выражение. Она обозначается как «ясный свет» (тиб. ‘od gsal), но это не очень хороший перевод. Есть и другой перевод данного термина – «светоносность». Это то же самое понятие, что и татхагатагарбха, поскольку оно выражает фундаментальное чувство незагрязняемости, или изначальной неомрачённости, человеческой природы. В ходе дальнейшего обсуждения мы ещё рассмотрим этот аспект.

Следующая важная концепция – понятие шуньяты, или «пустоты» («пустотности»). Шуньята обычно содержит в себе коннотацию отрицания, когда она понимается как представление о том, что у вещей нет какого-либо самосущего, или независимого, бытия или что у них нет никакой реальной субстанциональности. Отсутствие субстанциональности известно как пустота. Однако в философии йогачары пустота начинает принимать положительную коннотацию. Верно это и для тантры. Пустота более не означает полное отрицание субстанциональности вещей. Она начинает рассматриваться в роли абсолюта – основы, на базе которой в действительности существует и функционирует феноменальный мир. Она становится утвердительным отрицанием.

Это очень интересно. Обычно, когда мы что-то отрицаем, то на этом всё и заканчивается. Однако в понимании вещей, практикуемом в йогачаре и тантре, само отрицание становится утверждением чего-то, что обычно нам недоступно. Шуньята – это реальность, которую мы можем воспринимать и с которой можем сонастроиться – не при помощи обыденных способов познания, а при помощи более высокой формы знания. По мере того как мы начинаем преобразовывать свои отрицательные проявления во что-то положительное и более высокое, мы

также начинаем постигать реальность, или шуньяту, более точным образом.

В тантре шуньяту даже называют «непоколебимой ваджрой». Она настолько реальна и настолько вещественна, что мы не можем отрицать её существование. Подобное высказывание для строгой перспективы мадхьямаки было бы чем-то шокирующим. Когда кресло, в котором вы сидите, несубстанционально, когда стакан, из которого вы пьёте воду, несубстанционален, каким же образом пустота – нечто, что мы не можем даже увидеть, – может быть более реальной и более вещественной, чем они? Адепты йогачары и тантры в некотором смысле почти овеществляют идею пустоты. Она становится основой, или реальностью, на базе которой в действительности существует феноменальный, или относительный, мир.

В завершение давайте рассмотрим тот акцент, который обе школы делают на функционировании ума (или сознания). Практики йогачары и тантры не предаются умозрительным рассуждениям о реальности окружающего мира. Они сводят и субъект, и объект к категории порождений ума. Наше понимание проявленного мира обусловлено нашим умом. Что бы мы ни испытывали с точки зрения дуализма субъекта и объекта, всё это – следствие ума, так что ум служит коренной причиной, из которой всё возникает. Обе школы разделяют данное воззрение и утверждают, что ум не только создаёт субъект и объект, – он также создаёт сансару и нирвану. Обретение освобождения есть следствие работы ума; наша привязанность к сансаре тоже есть следствие работы ума. Неважно, освобождены мы или ограничены, – всё это есть следствие функционирования ума. Освобождения можно достичь лишь путём проработки и преображения негативных состояний нашего ума в нечто куда более позитивное.

Мы подробнее рассмотрим все эти моменты в последующих главах. Мы будем одно за другим брать каждое утверждение и постепенно попытаемся понять его смысл. Взаимосвязь тантры и йогачары на самом деле никогда не обсуждалась в достаточной мере. В той степени, в какой мы будем касаться тантры, мы особо не будем вдаваться в подробности низших тантр, поскольку они имеют скорее ритуальную, а не философскую направленность. Мы в большей мере будем касаться философских концепций тантры, нежели того, каким образом вам нужно дуть в трубу, через какую ноздрю дышать или как выстраивать свои визуализации. Мы главным образом будем рассматривать высшие тантры класса ануттара-йога-тантры, которые связаны с традицией махамудры. Другими словами, мы будем сравнивать и сопоставлять учения махамудры с философией йогачары и исследуем то, как они соотносятся и взаимодействуют.

Вопросы и ответы

Студент: В какой исторический период развивалась философия йогачары?

Ринпоче: Спросите Дэвида Темплмана; он историк.

Дэвид Темплман: Она была основана во II веке н. э. и развивалась вплоть до середины V века, когда достигла своего полного расцвета.

Д-р Раджапатирана: Датировки в индийской истории всегда представляют собой путаницу. Никогда нельзя прийти к точной дате. В отношении буддийских текстов, например, единственные фиксированные даты дошли до нас через китайские переводы, поскольку нам известно, что китайцы очень хорошо вели архивы. Если у нас есть перевод определённого текста, выполненный к определённой дате, то мы знаем, что книга была написана до этого времени. Но порой всё куда сложнее.

Ринпоче: У людей даже нет уверенности, был ли один Васубандху или же их было несколько. Но в каком-то смысле всё это вторично. Ситуация с датировками вообще весьма интересна, особенно в отношении индийцев и тибетцев. Мне даже неизвестно, когда родился я сам, а ведь я всё ещё жив!

Студент: Ринпоче, различаются ли светоносность и блаженство?

Ринпоче: Нет. Блаженство возникает в результате постижения светоносности.

Студент: Йогачару часто называют школой «только сознания» («только ума»), указывая на убеждённость адептов йогачары в том, что за пределами ума ничего не существует.

Ринпоче: Единственное, что существует за пределами ума, – это реальность, но мы не будем в это вдаваться. Реальность не может быть обусловлена умом.

Реальность – это реальность. Если бы реальность могла быть обусловлена умом, она бы не была реальностью, ведь всякий раз, когда изменяется ваше настроение, вместе с ним изменялась бы и реальность. Практики йогачары утверждают, что и субъект, и объект являются порождениями ума, но это необязательно должно означать, что кресло и стол находятся в вашей голове. Мы конструируем своё переживание мира; это означает, что мы не переживаем мир таким, какой он есть; мы переживаем мир так, как хотим его переживать. Вот почему утверждается, что «и субъект, и объект суть порождения ума». Мы неспособны воспринимать реальность, ведь наш ум постоянно конструирует вещи. Из-за некоторых общих характеристик люди совместно разделяют сходный мир. Тем не менее переживание мира, испытываемое каждым индивидом, своеобразно и отличается от других.

Студент: Не могли бы вы привести тибетские и санскритские слова, обозначающие ум, и более точный перевод этих терминов? «Ум» воспринимается как весьма общее описание.

Ринпоче: Мы будем это обсуждать в последующих главах. Достаточно сказать, что ум, о котором говорят практики йогачары и тантры, – это не тот ум, который мы обычно переживаем. Мы переживаем временнугю и линейную последовательность своих мыслей и моментов восприятия, протекающую от мгновения к мгновению. Но есть нечто, что в действительности предоставляет основу для развёртывания мыслей и образов. Есть нечто запредельное нашему временному переживанию мыслей и образов. На санскрите термины для обозначения этого – манас и читта. В тибетском используются термины sems nyid – для выделения ума, который предоставляет основу как для субъекта, так и для объекта, и sems – для обозначения обыденного ума, которому свойственно разделение мира на субъект и объект. Sems и sems nyid сильно отличаются друг от друга. Особенно в махамудре это различие проявляется очень отчётливо.

Студент: Можете ли вы объяснить термин тантра и расположить его в контексте общебуддийской мысли?

Ринпоче: Тантра (rgyud) буквально означает «продолжительность, непрерывность, континуальность». Можно сказать, что нельзя выделить какой-то момент в качестве начала или конца тантры: тантрический опыт есть нечто

непрерывное. Нельзя сказать, когда она началась и когда закончится, ибо это непрерывно продолжающаяся ситуация. Однако для её обозначения также используется и термин «ваджраяна». Тантра представляет собой распространённое слово, используемое и индуистами, и буддистами, тогда как ваджраяна, или «алмазный путь/колесница», означает абсолютную непоколебимость этого процесса непрерывности. И вновь отмечу, что это процесс, а не конечный результат буддийской практики. Это непрерывно продолжающееся путешествие.

Студент: Является ли природа будды тем же, чем является атман в индуизме?

Ринпоче: Существует различие. Природа будды – это философское понятие, а также нечто переживаемое на опыте, но она не представляет собой чего-то настолько твёрдого и плотного, как атман. Природа будды не является какого-либо рода сущностью, тогда как атман считается сущностью. Атман есть нечто, чем вы обладаете, что позволяет вам продолжать перевоплощаться из жизни в жизнь. Ваша личная идентичность, или тождественность, связана с идеей атмана. Однако в буддизме дело не в том, что вы знаете, кто вы такой, благодаря своей природе будды, равно как и не в том, что вы получаете возможность помнить переживания своей прошлой жизни из-за природы будды. Природа будды попросту является фундаментальным условием для способности обрести просветление. Природа соли состоит в том, чтобы растворяться, но эта природа не является сущностью, отделённой от самой соли. Природа будды не есть некая сущность, которой вы обладаете: это потенциальная возможность, или условие, уже неотъемлемо присущее вам.

Студент: Ринпоче, можете ли вы привести биографию Асанги и Васубандху и рассказать о том, как они пришли к тому, чтобы развить систему йогачары?

Ринпоче: Традиционная биография Асанги столь же фантастична, сколь и биография любого другого буддийского мастера. Буддизм умирал в Индии, и утверждалось, что одна буддийская монахиня настолько сокрушалась из-за этого, что переспала с царём и родила Асангу. Затем она переспала с брахманом и родила Васубандху – всё это для того, чтобы сохранить Буддадхарму, а как же иначе. Асанга с детства был вдохновлён идеей сохранения буддийской традиции. Он решил стать монахом и познакомился с традицией махаяны. Он

прошёл обучение философии мадхьямаки. Васубандху же, согласно традиционному преданию, следовал дисциплине хинаяны вплоть до того, как Асанга обратил его в махаяну.

Асанга был восхищён идеей грядущего Будды Майтреи. Восхищён настолько, что это привело его в горы, где он медитировал в пещере. Он медитировал и ждал, когда же к нему придёт какое-нибудь видение, ниспосланное следующим Буддой, но ничего не происходило. Он трижды проводил в ретрите по три года, покуда каждый раз ему это вконец не надоедало, – тогда он покидал пещеру и отправлялся в долгий путь домой. По пути он сталкивался с удивительными вещами. Например, однажды ему повстречался мужчина, полировавший гигантский железный посох. Асанга спросил у него: «Что ты делаешь?». Мужчина ответил: «Я всего лишь пытаюсь сделать из этого посоха иглу». И Асанга подумал: «Ого! Он пытается сделать из этого посоха иглу? Видать, я слишком нетерпелив».

Тогда он возвращался в пещеру и медитировал ещё три года, и снова ему это надоедало, поскольку ничего не происходило, так что он вновь уходил. Однажды он испытывал жажду и решил напиться из ручья. Наклонившись, он заметил, что непрерывно падавшие капли воды проделали гигантскую дыру в скале. Он подумал: «Даже эта мягкая капля может проделать такую дыру в камне. Видать, я совсем нетерпелив», – и снова вернулся в пещеру.

Наконец он снова сдался, и на пути домой ему, помимо всего прочего, встретилась собака с гниющей лапой, в которой копошились личинки. Асангу столь сильно тронул вид собаки, что он отрезал кусок плоти со своего бедра и начал языком слизывать личинок и переносить их на куске отрезанной плоти, чтобы они не погибли и им было что есть.

Внезапно пред ним предстал Майтрея, но Асанга был настолько погружён в своё занятие, что сначала не заметил его. Затем он поднял голову, увидел Майтрею и начал выполнять простирания перед ним, вопрошая: «Почему же ты не явился мне ранее?». Майтрея ответил: «Потому что в тебе было недостаточно сострадания». Вот и всё. «В тебе было недостаточно сострадания. Теперь же, когда ты совершил этот поступок, я явился тебе во плоти». Далее, согласно преданию, Майтрея научил Асангу пяти основным трактатам, или философским текстам, йогачары. Считается, будто Асанга услышал всё это от Майтреи, так что обычно автором называют Майтрею, а не самого Асангу. После получения учений Асанга покинул ретрит и основал свою школу. Вместе со своим братом

Васубандху он написал ряд других текстов, таких как «Абхидхарма-самуччая». Автором «Абхидхарма-самуччаи» был не Майтрея: она была полностью написана Асангой. Вот и конец всей истории. Она удивительна и чарующа!

Студент: Не могли бы вы раскрыть понятие «пустота»?

Ринпоче: Пустота, согласно йогачаре и тантре, означает пустотность и субъекта, и объекта. Это не означает, что пустота пустотна сама по себе. Именно это обычно и говорят: «природа пустоты пустотна». Это не является чем-то положительным. С точки зрения йогачары и тантры пустота есть нечто наполненное, – если позволите, это нечто положительное. Это основа, которая в действительности служит условием всех процессов феноменального мира. Проявленный мир не мог бы функционировать, если бы он не зависел от пустоты. Мы ещё углубимся в этот вопрос позднее, и, возможно, он станет яснее.

Студент: История про Майтрею, которую вы рассказали, поистине сказочная. Как следует относиться к подобным историям?

Ринпоче: Старинные истории не имеют никакого исторического интереса, но, с точки зрения практика, их значение колоссально. Все эти фантастические истории рассказываются не для вашего развлечения, а для того, чтобы вызвать у вас определённое настроение, отношение или эмоцию. Чтение подобных жизнеописаний вводит вас в правильное состояние ума, позволяющее по-настоящему открыться для восприятия учений. Иначе этой открытости может не возникнуть. Вот почему жизнеописания, как правило, драматизируются. Даже большинство самих тибетцев не верят, что все эти события действительно происходили. Но все они имеют необычайную важность с точки зрения практикующего, ведь вы начинаете осознавать, сколь важно быть терпеливыми или сколь важно порождать в себе сострадание. В таком случае вы оказываетесь способны понимать учения, ибо эти истории резонируют в вас.

Студент: Часто можно слышать, как люди говорят: «Хотелось бы мне, чтобы нечто подобное произошло со мной». Они хотят, чтобы с ними произошли все эти сказочные вещи, и принимают их за нечто вполне реальное, а не мифы.

Ринпоче: Это так, но мифы выполняют свою функцию. Это необязательно истории о святых или просветлённых существах; это может быть миф о каком-нибудь морском змее, драконе и т. д. Они выполняют определённую задачу применительно к человеческому уму.

Я думаю, что без мифов люди бы обезумели. Мифы помогают нам сохранять здравый рассудок, равно как в каком-то смысле поддерживают и наше безрассудство. Вот почему люди всё время продолжают производить всё больше и больше новых мифов. Мифы – это сказки для взрослых. В каждой тибетской школе есть бесчисленные количества жизнеописаний и автобиографий духовных мастеров. Каждой подобной истории свойственен красочный драматизм. И это интересно.

Тибетцы разделяют жизнеописания духовных мастеров на внешний, внутренний и тайный уровни. Когда они утверждают, что некий лама созерцал глиняный горшок, да так, что тот треснул, – внешнее значение этой истории в том, чтобы вдохновить людей подобным деянием, внутренний уровень имеет символический смысл, а тайная перспектива указывает на что-то в отношении духовного опыта самого мастера. Так что смысл не в физическом акте как таковом. Есть три уровня. Тибетский термин rnam thar, «жизнеописание», буквально означает «история освобождения». Эти рассказы и вправду удивительны, ведь их задача – поведать вам о постепенном развитии мастера, о том, как он работал над собой, как продвигался по пути и как в конце концов обрёл освобождение.

Студент: Что в буддийской философии говорится о времени и пространстве?

Ринпоче: Буддийское отношение состоит в том, что время и пространство относительны. Они соотносятся с вашим собственным пониманием времени и пространства. На этом уровне они не абсолютны. Наше понимание концепции времени в смысле линейной протяжённости прошлого, настоящего и будущего в некоторых аспектах неверно. В некотором смысле время скорее циклично, нежели линейно. Абсолютное представление о времени на самом деле выходит за пределы наших концепций, потому что относительное время подчиняется нашим концепциям о времени (или зависит от них), тогда как абсолютное время есть нечто для нас невообразимое. В каком-то смысле мы не можем даже назвать его извечным или не извечным. В дальнейшем мы ещё будем касаться этого вопроса.

Студент: Я думал, что понятие «тантра», означающее «непрерывность», в большей степени имеет отношение к переживанию человеком учений, нежели к какому-либо историческому контексту.

Ринпоче: Можно распознать, что вы являетесь тантриком, даже до того, как вы фактически становитесь тантриком. Что бы вы ни переживали, это будет частью всего процесса. Даже после обретения просветления это всё равно будет оставаться непрерывным процессом в каком-то смысле. Деятельность будды будет продолжаться. С точки зрения индивидуального опыта будет именно так. Непрерывность и ваджрное качество также тесно взаимосвязаны, ведь у них нет ни начала, ни конца, и нельзя их нарушить или же помешать им.

Студент: Как школа мадхьямаки относится к представлению о природе будды как чём-то врождённом, неотъемлемо присущем?

Ринпоче: Они говорят о бодхичитте; они вообще особо не рассуждают о татхагатагарбхе. Татхагатагарбха рассматривается как мотивирующая «морковка» для неинициированных и незрелых. С их точки зрения, стоит вам повзрослеть – как вы сразу перерастаете эту идею. Бодхичитта в действительности означает «способность сострадать», что отличается от природы будды. Природа будды воспринимается как нечто, не имеющее начала или конца, чистое и не загрязнённое вашими заблуждениями. Даются все эти определения, которые не используются в отношении бодхичитты.

На самом деле утверждается, что абсолютная бодхичитта и есть окончательное просветление. Однако это концепция, совершенно отличная от концепции природы будды. Высказывать утверждения о том, что бодхичитта такая, или такая, или вот такая, как это делают последователи йогачары в отношении природы будды, было бы совершенно неприемлемо для приверженцев мадхьямаки. Абсолютной бодхичиттой для мадхьямиков будет сама шуньята. Абсолютная бодхичитта в традиции мадхьямаки не рассматривается как нечто положительное или отрицательное; её последователи не предаются умозрительным рассуждениям о ней. Татхагатагарбхе же свойственна идея положительного качества. «Махаяна-уттара-тантра» наполнена подобным. Она пытается проиллюстрировать татхагатагарбху при помощи всевозможных образов, таких как бедная женщина, царь, сын царя или слепой человек,

нашедший жемчужину в мусорном ведре. Текст изобилует подобными образами.

Студент: Если вы хотите превратить отрицательную энергию в положительную, разве вы попросту не питаете энергией негативное, тем самым отдаляясь от природы будды?

Ринпоче: Преобразование происходит без отрицания негативных энергий. Вот почему йогачара и тантра отличаются от других буддийских школ. В других школах буддизма, как и во всех духовных традициях и дисциплинах, негативное есть нечто, что надо подавить или же, ещё лучше, от чего нужно избавиться, тогда как практики йогачары и тантры утверждают, что через принятие негативного происходит его преображение. Иными словами, нельзя относиться к своей негативной энергии негативно. Вы откликаетесь на свои отрицательные энергии с положительным отношением, так что преображение происходит в каком-то смысле автоматически. Как утверждают приверженцы этих традиций, негативные аспекты обращаются в мудрость, но мы к этому ещё вернёмся.

Три уровня сознания в йогачаре

Наша следующая тема – это три уровня сознания в системе йогачары. Философия йогачары уделяла индивидуальному опыту особое внимание, так что она много времени посвятила исследованию человеческого сознания. В результате её приверженцы сформулировали идею трёх уровней сознания.

Субстрат сознавания

Первый уровень – это алая-виджняна, понимавшаяся как фундаментальное сознание. Профессор Гюнтер перевёл данный термин как «субстрат сознавания». В большинстве случаев он переводится как «сознание-хранилище» (или «сознание-сокровищница»). Алая-виджняна, или субстрат сознавания, понимается как нечто, что сохраняет наши воспоминания, полученные нами в

прошлом впечатления. Она содержит отпечатки, склонности и тому подобное. Её можно считать эквивалентом концепции бессознательного. Ещё одним качеством, связываемым с алая-виджняной, является то, что сама по себе она считается чем-то нейтральным в этическом контексте. Она не позитивна и не негативна, не благоприятна и не вредоносна: она этически нейтральна. По этой причине её считают неопределённой, то есть она не определена ни как нечто положительное, ни как нечто отрицательное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rinpoche_traleg-k-yabgon/o-vliyanii-yogachary-na-mahamudru

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить